

ЯНА ТУЛИША

ИНКВИЗИТОР

Ведьмы не боятся железа,
они боятся того, что за ним следует.

Яна Тулиша
Инквизитор
Серия «Young Adult.
Инстахит. Средневековье»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63802646

Инквизитор: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118109-3

Аннотация

Никто не расскажет вам правду о ведьмах. Церковь будет проповедовать истину священного огня и вред еретического учения, а обычные люди отрестятся от истины и поплотнее закроют ставни на ночь. Лишь некоторым смельчакам удалось узнать о ведьмах больше. Один из них – Адам Пэйн. Инквизитор, усомнившийся в действиях церкви и примкнувший к ведьмам, чтобы огнем и мечом нести свою правду в мир, погрязший в крови.

Это его история.

Содержание

Адам	5
Конец	12
Начало	17
Призраки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Яна Тулиша

Инквизитор

© Тулиша Я., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Адам

История заключенного.

Дело номер 902.

Отец Адам.

Перо замерло на поставленной точке и подскочило. Державший его мужчина на мгновение задумался, затем изящно обмакнул кончик пера в чернильницу и исправил написанное.

Адам Пэйн.

В этот раз он аккуратнее вывел имя того, с кем ему позволили побеседовать. Верховный отец Рафаэль редко разрешал общаться с заключенными, ведь их зараза могла легко проникнуть в чужие умы и сердца. Но Натану не раз приходилось выслушивать различные душераздирающие истории, он мог бы даже написать книгу о каждом из осужденных, но знал, что тогда удостоится смерти.

Натан был из тех людей, что держатся за победителя. Он знал, что церковные убеждения всегда подвергались и будут подвергаться сомнению, а стоящие у власти всегда будут пытаться силой удержать крупницы мира. Ему предоставлялась редкая возможность созерцать человечество на одной из низших ступеней развития. Но один он ничего не мог поделать, да и желанием большим не горел. Пусть молодые сра-

жаются и воюют за свободу и равноправие, он лишь хотел дожить оставшиеся годы в тишине и спокойствии.

А жизнь его, если подумать, была весьма неплоха. И пусть другие не считали его даже за мужчину, он был тих и до ужаса неприятен каждому. Свою жизнь он посвятил книгам и изучению прошлого, переписывая старинные манускрипты. Натан стал летописцем, и до сих пор его это устраивало. Главное – писать то, что от него хотят, ни больше ни меньше. Он прекрасно знал, какое наказание ждет его, упомяни он какую-нибудь ересь в своих текстах. Так что слушать и записывать истории осужденных стало его маленькой мстостью инквизиции. Он научился избегать их глупые правила, оставаясь в безопасности, хоть и рискуя каждый раз.

Натан почувствовал легкое волнение, когда в дверь постучали. Он бросил взгляд на стол, проверяя, все ли на своих местах. Длинное гусиное перо, чернильница в серебряной подставке, потрепанная книга с уже начертанным там именем...

– Входите! – произнес он громко и поправил темную рясу.

Он не был служителем церкви, но все равно обязан был соблюдать все ее правила и обеты, так как являлся летописцем. Другие священники с подозрением относились к его деятельности, один несколько лет назад даже донес на него Рафаэлю. Но у Натана хорошие с ним отношения, к тому же Верховный отец знал, что ни на что злодейское тот не способен.

Тяжелая дубовая дверь отворилась, и вошли двое солдат. Шлемы скрывали большую часть лица, заметны были лишь изогнутые недовольством губы. Под руки они вели молодого заключенного. Сердце Натана учащенно забилось. Он так ждал этой встречи, хотел узнать правду об этом человеке, и вот наконец ему позволили!

Он едва не подскочил на месте, но, сдержавшись, лишь указал широкой ладонью на стул перед собой. Стражники грубо пнули заключенного, и тот почти на ощупь отыскал сидение. Натан впервые видел его так близко.

Стражники и инквизиторы хорошо над ним поработали, на мужчине не осталось живого места. Это был еще даже не мужчина, его лицо дышало юностью и энергией. Серые глаза из-под густых бровей смотрели настороженно и враждебно, Адам явно готов был оценить опасность и моментально на нее среагировать. Волосы темного цвета, как мог судить Натан, но здесь могла возникнуть ошибка: человек, проведенный больше двух месяцев в подземелье, мог утратить первоначальный облик, испачкавшись в земле и грязи. И действительно, все его лицо и руки, выглядывающие из-под порванной рубахи, были покрыты засохшей кровью и пылью, которая ложилась на кожу слоями. Подбородок и щеки покрывала бесформенно отросшая борода. Натан испытал некоторое отвращение, оценив, в каком положении держали этого человека. Но в нем возникло еще какое-то чувство. Восхищение, быть может. Несмотря на два месяца истязаний и

пытках, исхудавшее тело и от усталости ввалившиеся глаза, Адам был прекрасен.

Натан задумчиво потер лысину и сложил руки перед собой.

– Мы будем за дверью, если понадобится, – произнес один из стражников и, проверив железные оковы на пленнике, покинул помещение. Второй последовал за ним, и в комнате повисла тишина.

Натан неожиданно осознал, что ужасно переживает и не знает, с чего начать. Как вообще вести беседу с таким человеком? Раньше он общался с преступниками, которым были предъявлены серьезные обвинения, но впервые пред ним предстал столь загадочный персонаж. Более двенадцати лет об Адаме ничего не было известно, кроме того, что он сбегал и предавался ереси. Но теперь он пойман, схвачен, сломлен. Так сказал ему Рафаэль.

Натан снова посмотрел на Адама. Об этом человеке многое можно было сказать, но сломлен он точно не был. Да, может, внешне он и напоминает скелет, но внутри у него покой. Натан видел это по его глазам.

– Назовите свое имя, пожалуйста, – вежливо начал он.

Адам задержал взгляд на летописце, а затем вновь отвернулся и принялся рассматривать стопки книг, расставленные в крошечной комнате.

– Вы и так его знаете, – ответил он нехотя. – Иначе не позвали бы меня.

Голос его показался Натану похожим на скрежет металла. Но он списал это на истощение.

– И все же я настаиваю.

В этот раз Адам внимательнее всмотрелся в лицо допрашивающего. Пронизывающий взгляд заставил Натана напрычсая, ему показалось, что прямо сейчас его читают, словно открытую книгу.

– Адам Пэйн, – раздался негромкий ответ.

– Мое имя Натан. Мне позволили провести с вами последнюю беседу перед судом, дабы не утратить подробностей вашего дела.

Адам сощурился, словно оценивая свои шансы на побег. Но потом мгновенно расслабился и подтянул колени к себе на стул.

– И что же вы хотите знать? – поинтересовался обвиняемый.

– Все, – с энтузиазмом отозвался Натан. – Вашу историю, мотивы к поступкам, мысли...

Адам хмыкнул, смерив его насмешливым взглядом.

– Какой в этом смысл, если на суде будут задавать те же самые вопросы?

Натан потер уставшие глаза. К старости он стал слегка подслеповат, но все равно продолжал работать при плохом свете.

– Суд направлен на доказательство вины и вынесение приговора, наша беседа – на запись услышанного, – терпеливо

объяснил он.

– И зачем же миру знать мою историю? – искренне удивился Адам. В его голосе явно слышалось подозрение.

– Думаю, потомкам будет интересно знать, отчего католическая церковь едва не пошатнулась, – Натан едва заметно улыбнулся, понизив голос.

Адам беззвучно засмеялся, вскидывая руки в кандалах. Кажется, такой ответ его устроил. Но уже в следующее мгновение его настроение резко изменилось, а лицо помрачнело.

Натан взял в руки перо, выжидающе глядя на заключенного. Тот опустил руки и некоторое время сидел молча. Воспоминания отнимали у него больше сил, чем исцеление от ран.

– Вы должны знать, Натан, – произнес Адам едва слышно. – Это не моя история. Она никогда не случилась бы, не соверши я самый чудовищный поступок в своей жизни.

– Вы о сожжении ведьмы? – переспросил Натан, обронив перо и внимательно вслушиваясь. Чернила потекли по странице, оставляя темный след. Но летописец не думал об этом: все его внимание было сосредоточено на Адаме.

– Да, – кивнул заключенный и опустил глаза. – Это было началом моего пути. Днем моего триумфа. Так я тогда думал. *«Возрадуйтесь! Ибо в этот день к нашему правому делу присоединился еще один слугитель Бога!»*

Натан похолодел. Рафаэль часто говорил так, приветствуя новеньких. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ему,

что из услышанного сегодня он мало что запишет в свою книгу. Потому что этот рассказ предназначен для потомков, а не для инквизиторов.

Конец

– С чего мне начать?

– С начала, Адам. Начните с начала.

Начало... А когда было начало?

Мы бежали с очередного убийства. Мелькали улицы, переулки, повороты. Этот городок не такой большой, как остальные, но потеряться в нем легко. Вы даже не заметите, как свернете не туда и окажетесь в тупике. Чего-чего, а тупиков здесь хватает. У нас не было времени рассматривать окрестности, но, должно быть, это вошло у меня в привычку.

Город был грязным и словно мертвым. Ничто не радовало глаз, ничего не хотелось запечатлеть в памяти. И все же какие-то детали остались. Помню, как мы пробежали мимо тучной женщины в ярких пышных юбках и чуть не столкнули ее в грязь. До того она недовольно кричала на мальчика в дырявом костюме. Кажется, он украл с ярмарки конфету. Потом на нас обрушился цветочный горшок, полетевший прямо с высокого балкона и сопровождавшийся супружескими криками. Судя по всему, жена выигрывала. Больше мне ничего не запомнилось.

Все смешалось в отчаянной погоне. Единственное, чего хотелось, – остановиться и глотнуть свежего воздуха. Но где вы возьмете свежий воздух в городе? Он протух, смешался грязью и пылью дорог. То ли дело чистое поле в начале весны

или густой лес после дождя! Вы и представить не можете, как там хорошо дышится. Но я отвлекся...

Мы бежали. Уже спустили собак, те с громким лаем преследовали нас. Наша спутница сильно отставала, ее ноги и кисти рук были измазаны в саже, на коже не осталось живого места от ожогов. Нам с Блэр приходилось останавливаться и помогать ей подниматься, сама она идти почти не могла.

Но собаки не отставали, а мы знали, что они – еще не самое страшное, что ждет нас, если попадемся. В конце концов я взял раненую ведьму на руки. Бежать стало гораздо тяжелее; Блэр, не останавливаясь, что-то тихо шептала и указывала мне путь. Она выглядела изможденной и усталой, но продолжала оглядываться, ожидая, что наши преследователи вот-вот появятся из-за угла. С каждым шагом я все сильнее увязал в раскисшей грязи и широких полосах земли, оставленных проезжающими телегами. Страх гнал нас вперед, словно затравленных волков на охоте.

Мы бежали так быстро, как только могли. Падали, поднимались и продолжали бежать. Мы бежали, и время бежало вместе с нами, обгоняя. Я знал, что мы опоздаем.

Мы опоздали.

Нам не хватило каких-то тридцати шагов, чтобы пересечь границу города и скрыться в лесу. Они не последовали бы за нами туда. Но нам не хватило. Должно быть, это судьба.

– Вы верите в судьбу?

– Нет. Да. А нужно?

Инквизиторы взяли нас в круг прямо на границе города. У нас был шанс скрыться, убежать – нас должны были страховать. Но мы сдались. Спасенную ведьму вырвали из моих рук, мгновенно сковав ее запястья цепями. Как будто она могла им помешать! Волосы разметались, спутанные в колтуны, местами вырванные разъяренной толпой. Ее лицо, запачканное кровью и пеплом, выражало спокойствие. Она так и не пришла в себя. Ей повезло.

Меня и Блэр разделили, ее также заковали в железо – по легенде, именно железо для них опаснее всего. Но вы же знаете... Легенда есть легенда. Ведьмы не боятся железа, они боятся того, что за ним следует. И я знал участь Блэр. Она им ничего не расскажет, еще ни одна настоящая ведьма не выдала имена своих сестер. А Блэр была настоящей.

Я не сопротивлялся, когда мне заломили руки за спину и связали их, но уже простой веревкой. Кисти рук мгновенно онемели и безвольно повисли. При желании я мог бы легко разорвать путы и скрыться, но не стал. На площади уже начали собираться люди. Они кричали оскорбления в наш адрес и бросались камнями. Один булыжник попал мне в бровь, оставив свежую алую полосу, но мне как будто было и не больно. Встретившись последний раз с зелеными глазами Блэр, я покорился. По ее взгляду мне все сразу стало понятно, она просила меня об этом. И я уступил ей.

Нас уводили под бешеные крики толпы. Инквизиторы долго стояли и любовались произведенным эффектом. Они

ликовали, уповали на их злость, купались в ненависти. Я знаю, как это работает, уж поверьте. Стоит только найти виновного и указать на него людям, как они готовы лезть в бой с кулаками. Дайте человеку предмет ненависти, ткните в него пальцем, и он полюбит вас, как родного отца.

– Вас предали?

– Нет. Просто дали по заслугам.

Мой взгляд был прикован к кромке леса. Там, среди широких кустарников и вековых сосен, за нами следили несколько десятков пар глаз. Они не вышли помочь. Просто смотрели на нас с Блэр и ничего не делали. То был день, когда мы стали изгнанниками с обеих сторон. Мы больше не принадлежали ни праведникам, ни ведьмам.

Никто не пришел нам на помощь. Мы убили очередного инквизитора и почти спасли девушку с уже зажженного костра. Но ведьмы не выполнили свою часть сделки. Они предпочли спрятаться и потерять двоих, чем пожертвовать всеми в нечестной битве. Простая арифметика.

В какой-то степени это моя вина. Они так и не смогли свыкнуться с мыслью, что среди них гуляет святой отец. Это была их месть, их правосудие. Они хотели, чтобы праведник страдал так же, как они сами. Ведьмы избрали меня своей жертвой. Я всегда это знал, просто отказывался верить. Единственное, о чем я жалею, – это то, что Блэр пришлось страдать за меня. Она не заслуживала этого. Если подумать, никто из них такого не заслуживал.

На углу площади, где нас схватили, был выставлен позорный столб. На нем догнивала привязанная отрубленная голова. Вокруг нее роем носились мухи, смрад разносился на всю улицу. Вороны уже склевали большую часть лица, и тяжело было разобрать, кому же принадлежала эта голова. Но огонь справился с ней гораздо лучше: когда-то красивые волосы сгорели до корней и уродливо оголили череп, в котором стали видны мясные дыры.

– Знаете, что это такое, Натан?

– Столб ведьмы. Предупреждение ее сестрам и всем остальным о том, что случится, если кто-то будет колдовать или использовать магию.

– В ту ночь на этот столб повесили голову Блэр.

Начало

– Кто-то говорит, что вы – дьявол, а кому-то вы кажетесь святым. Где правда?

– Не стоит задавать вопросы, на которые не хочешь знать ответы.

Отец всегда говорил, что истина абсолютна. Любые ее версии – ложь.

– Адам, принеси воды! – Голос, родной и переливчатый, как студеная вода поутру.

Я подаю матери небольшой кувшин. Это далекое воспоминание.

Мама. Матушка. Уже и не помню, как она выглядит. Помню, что руки у нее были теплые и мягкие. Это всегда меня удивляло. Как человеку удавалось заниматься такими черными делами, как стирка белья, мытье полов и готовка для целой оравы детей и все равно сохранять чистые руки. Должно быть, все зависит от души.

Я рос, и мир рос вместе со мной. Мое детство нельзя назвать радостным, я родился в большой семье, где редко выпадало досыта поесть.

Мама часто говорила со мной о том, чего я не понимал. Она говорила о церкви, о жестокости, о несправедливости в жизни. Она говорила, что я должен найти свое место в этом мире. К сожалению, я так и не узнал, на каком месте меня

видела она. Мама была самым красивым человеком, которого я знал, и самым мудрым. Иногда ее голос звучал в моих снах, он убеждал меня принимать людей такими, какие они есть, а не смотреть на их статус и одежду.

А потом вдруг она исчезла. Я не знал, не понимал тогда. Только отец стал ходить понурый и опечаленный. Но больше он ни разу не говорил о матери. Мы тоже.

Через несколько дней на столб вывесили обожженную голову, но я не мог узнать в ней мать и, как всегда, равнодушно прошел мимо. Пока ты не сделал чего-то плохого, вряд ли обратишь свой взор на преступника.

В возрасте десяти лет отец – не мой, а церковный – решил, что я должен посвятить себя Богу. Он говорил, что мне уготована великая судьба, если я ступлю на верную стезю и буду совершать праведные поступки.

– Вы согласились?

– Конечно. Я был молод.

А еще наивен, глуп и эгоистичен.

Рафаэль, тогда он был еще просто отцом, привел меня в церковь. Он научил меня всему, что я знаю, внушил ложь вместо истины и захватил мой разум. Он сделал меня безумцем, так же, как и тысячи других мальчиков с улицы.

Когда я стал ходить туда каждый день, мой отец отвернулся от меня. Он стал кричать, и с каждой новой ссорой наши отношения становились все хуже. Я не мог более оставаться в том доме и ушел.

Рафаэль взял меня под свое крыло, поселил в церкви. Его ласковые речи всегда успокаивали меня.

Я начал молиться Богу. Я не знал, что просить у него, просто повторял заученные слова, сложив ладони вместе. Рафаэль говорил, что знание придет само, нужно лишь открыться ему. Но, сколько я ни пробовал, мой разум оставался пуст. Это злило меня, и порой я ломал от отчаяния мебель.

Тогда отец позволил мне спуститься в подземелье церкви. Знали ли люди, приходя помолиться, какое зло царит у них под ногами? Сомневаюсь. Люди предпочитают видеть правду, только когда им это выгодно. Никому не интересны чужие страдания.

Я впервые видел, как горит ведьма. Мне нравилось смотреть, как ее плоть чернеет и покрывается пламенем, рассыпаясь в пепел. Зло должно было быть уничтожено.

Рафаэль видел во мне потенциал, он сам так сказал. Каждый раз, показывая мне страдания пойманных женщин, он рассказывал, сколько плохого они совершили, какие чудовищные заклятия наложили. И я уповал на их боль. С каждой сломанной костью, с каждым криком я чувствовал наслаждение и дрожал от переизбытка чувств.

Тогда отец стал тренировать меня. Я никогда не думал, что священники могут быть бойцами или воинами. Но длительные тренировки и голодание изменили мое мнение. Я стал солдатом, мои руки и ноги окрепли, все тело закалилось. Мне не была страшна боль, я сам стал болью.

Он привел меня в Круг. Оказывается, в подземельях можно узнать столько нового... И мы учились. Там были такие же мальчишки, как и я. У них не было дома, не было семьи, были только они сами. Могу с уверенностью сказать, что я был прилежным учеником.

Рафаэль стал моим ангелом. Он стал отцом, братом, другом, защитником. Но более всего он был палачом. Каждый день от его слов погибали ведьмы. Я стоял рядом с ним, наблюдая, как он поджигает факелом костер. Я громче всех кричал проклятия вслед девушкам.

А они приходили и уходили. Ни одна ведьма не покинула зал суда невиновной. И я был счастлив.

* * *

Наступила весна моего шестого года обучения. Дороги размыло от тающего снега, на улицах все чаще слышались зазывающие крики торговков, пахло цветами.

В тот день у меня было прекрасное настроение, и свою темную рясу я вычищал с особым усердием. Рафаэль говорил, что во всем должен быть порядок. А иначе на земле наступит хаос, и человечество себя уничтожит.

Одевшись, я съел кусок черствого хлеба – все, чем нас в основном кормили, – и отправился на утреннюю молитву.

– Адам, сегодня обещали вести с другой стороны! – раздался веселый голос.

Это был мой друг, такой же послушник, как и я. Тяжело найти настоящих друзей в таком проклятом святом месте, и сейчас я не могу с уверенностью сказать, что Чейз был мне настоящим другом или товарищем. Мы просто выросли вместе, мечтая добиться высокого звания и признания народа.

Чейз... У этого имени особенный вкус. Худощавый шестнадцатилетний мальчишка с непослушными белыми вихрами, которые он ежедневно пытался зачесать назад, и голубыми глазами, сверкающими невинностью. Он был совершенно не похож на меня и в то же время являлся моим отражением. Рафаэль привел его спустя год после меня, заплаканного, истощенного сироту. Чейз вырос. Он мало заботился о соблюдении правил церкви, постоянно дрался и никогда не молился. Однажды я спросил его об этом, а он просто пожал плечами.

– Нельзя осчастливить всех, Адам. Богу просто не хватит на это сил.

Мы заполнили миры друг друга, стали семьей, братьями. Хотя нет, братьями мы никогда бы не стали. Просто не смогли бы.

– И каких же вестей мы ждем? – спросил я, опускаясь на скрипящую половицу.

Чейз проделал то же самое, театрально сложив ладони перед собой. Я знал, что он притворяется. Нельзя было открыто заявить, что ты не молишься. За такое четвертуют, если повезет. В худшем случае тебя изгонят из общества навсегда.

– Диакон обещал рассказать сегодня ночью, – Чейз заговорщически улыбнулся. – Он будет ждать нас в Круге.

Диакон был нашим наставником в тяжелых физических тренировках. Я бы сказал, что ему пора переселиться на кладбище и начать рыть себе могилу, но он все еще был бодр и активен. Никто не знал, сколько ему лет, Чейз говорил, около восьмидесяти. Я делать предположения не решался.

Тот день прошел так же, как и сотни других моих дней. До самого заката солнца мы стояли на входе в церковь, выслушивая людей, принимая на себя их грехи. Кто мог принять наши?..

– Простите, Адам, я накричала на мужа. Он умер от лихорадки несколько дней назад. Простите меня...

– Бог простит.

– Отец, скажите, возможно ли простить убийство?

– Я еще не отец.

Темные рясы, золотые кресты, всепожирающий огонь, звук ломающихся костей и предсмертные крики. Тогда я мог бы с уверенностью сказать: «Да».

– А сейчас? Адам? Можно ли оправдать убийство?

Когда наступила ночь, двери церкви с грохотом закрылись, и мы смогли наконец вздохнуть свободно. Среди этих людей мы были ангелами, посланными с небес, избавителями, а ночью боролись с собственными демонами. Чейз не чувствовал этого, по крайней мере не чувствовал так же, как я. Он забывал, легко и беззаботно, как забывают дети.

Я же забыть не мог.

– Проходите, дети мои!

Властный, высокомерный голос. Я не мог винить диакона, он был всего лишь фанатиком. Все фанатики высокомерны и глупы. Его тяжелый взгляд скользил по нам, пытаюсь понять, сколько прощений мы отдали сегодня. Потом он отступил, давая нам пройти в Круг.

– Круг? Это место?

– Круг – это все наши мечты, все тайные мысли и все грехи.

Мы называли его Кругом. Тяжело найти более подходящее название. Именно там Рафаэль познакомил нас с учением о ереси и поведал о том, что не все люди жаждут приобщиться к Богу. Мы узнали о ведьмах и их сообщниках, о заговорах против церкви и войнах, ведущихся исключительно по этим причинам.

Верховный отец. Он не всегда был угрюм и серьезен. Были времена, когда он еще умел улыбаться. Но улыбка его была особенная, не такая, как у счастливых людей. Казалось, что, даже если улыбается, он может растерзать тебя на куски.

Я боялся Рафаэля.

– Завтра вас ждет первая охота! – провозгласил диакон, поднимая руки.

Вспыхнули факелы, подожженные невидимыми слугами. Так же незаметно они ускользнули, дабы не быть убитыми вскоре. Лицо диакона, объятые светом пламени, напоминало

морду орла с кустистыми бровями и испытующим взглядом. Его огромный круглый живот терялся в объятиях церковной рясы.

Мы с Чейзом с благоговением приблизились к отцу, понимая, о чем он говорит. Мы ждали этого все годы, проведенные в церкви. Грядет ночь нашего триумфа, мы станем героями, уничтожив дьявольское зло.

Мы должны будем убить ведьму.

– Отец, у вас есть претендент? – спросил Чейз, сжимая кулаки.

Казалось, он готов голыми руками забить беднягу до смерти.

– Друг сообщил нам, – диакон наклонился к нам, сверкая глазами. – Они соберутся на границе леса завтра, чтобы выполнить свой грязный обряд.

Я едва не заплясал от счастья. Все, о чем я мечтал, должно было свершиться уже завтра. Мы проведем охоту на ведьм, и уже завтра, как только догорит костер, меня посвятят в инквизиторы.

Мы долго говорили с диаконом о том, где именно соберутся ведьмы и как лучше с ними справиться. Мы должны были сделать это железными обручами и клинками. Чейз предложил дожидаться, пока вокруг нас соберется народ. Я с радостью согласился, представляя их ярость и гнев.

Потом, лежа в постели и размышляя о том, что мне предстояло сделать, я подумал об отце. Знал ли он, каким ве-

ликим станет его сын? Знал ли хоть малую часть того, что оставлял позади, отправляясь в леса, становясь отшельником? Я стыдился его.

* * *

Проснуться мне пришлось от голоса Чейза. Я так и не узнал, как он пробрался в мою комнату так рано.

Бесцеремонно устроившись у меня на кровати, он крутил в руках железные обручи величиной с запястье, которые нам выдал вчера диакон. Я сонно потер глаза и поднялся. Решив, что для охоты сойдет и обычная одежда, я натянул заранее приготовленные отцом штаны и рубаху. В таком одеянии я чувствовал себя непривычно, но, если мы хотели поймать ведьм, нужно быть готовым ко всему.

– Когда отец придет за нами? – спросил я у Чейза.

Друг, погружившись в свои мысли, казалось, и не заметил вопроса.

– Думаешь, железо поможет? – совершенно неожиданно задался он вопросом.

Я застыл над бадьей с уже остывшей водой. Стоило сказать послушникам, чтобы принесли ее к нужному времени, а не с восходом солнца. Мои руки чуть дрожали. Я умыл лицо и провел влажной ладонью по волосам.

– Конечно поможет! – с уверенностью ответил я. – Рафаэль показывал нам это множество раз.

Чейз примерил обруч на свою кисть и издали любовался им. Ему нравились оковы. Он говорил, что однажды Рафаэль попросил его помочь в допросе пойманной ведьмы. Скорее всего, это была ложь. Но я никогда не говорил ему, что знал правду. Мы были детьми.

– А спорим, что я убью вдвое больше твоего? – Его настроение всегда менялось резко. Он протянул мне свою большую ладонь и улыбнулся.

Мне не хотелось показывать перед ним свою слабость, и я слегка сжал его руку, принимая вызов.

С улицы доносились крики толпы. Шла подготовка к весенней ярмарке, к Пасхе город наводнится людьми. За окном пропела птица. Взглянув на двух мальчишек, она встрепенулась и улетела, словно ее никогда и не было.

В дверь постучали, и Чейз спрыгнул с кровати, по привычке поправляя одежду. За несоблюдение порядка нас жестко карали. Вошел Рафаэль, на его морщинистом лице играла победоносная улыбка. Глубокие карие глаза смотрели на нас с нежностью и любовью, казалось, даже его черная ряса сияла в тот день. Мы встали перед ним, выпрямив спины и вскинув подбородки. Мы были горды.

– Нам пора, – сказал Рафаэль и повел нас к выходу из церкви.

По пути я заметил, что Чейз немного пританцовывает от удовольствия. Взгляд его ангельских глаз то и дело обращался ко мне, ожидая увидеть мой восторг.

Я представил, как мой меч вонзается в человеческую плоть, дробит кости, окрашивается кровью, и задрожал в предвкушении. Как я и говорил, мы были детьми.

* * *

Битва была недолгой и достаточно предсказуемой. Ведь мы не знали о том, что их уже предали. Среди них была лишь одна девушка старше нас. Остальные девочки – лет тринадцати – словно испуганные мышки, хлопая длинными ресницами, глядели на наши мечи. Они бросились бы врассыпную, но мы с Чейзом заранее придумали хитроумный план, не давая им пути к отступлению.

Я бился как мог. Мой меч обрушивался на головы ведьм с ужасным треском, мое лицо было забрызгано их кровью. Я был мечом, правосудием, настаивающей гибелью, я купался в их боли. На мгновения мне казалось, что я покидаю этот мир, и именно тогда я чувствовал свою близость к Господу. Никакие молитвы не могли заменить собственный гнев, выпущенную на свободу силу.

В какой-то момент вспыхнул огонь, вокруг появились люди. Они кричали, и я чувствовал их вопли внутри себя. Костер горел, и я горел вместе с ним. Я...

– **Вы были для них монстром.**

– **О нет, Натан. Я был для них Богом!**

Чейз возник рядом, он кричал вместе с толпой. Только

потом я понял, что ревушие звуки, эхом отдающиеся в моей груди, были моим криком, а не толпы. Суд здесь был не нужен, колдовство было явным, и люди требовали сожжения.

Мы сковали железными обручами старшую ведьму, закончив с ее сестрами. Она не сопротивлялась. Странно, но ни одна ведьма, пойманная мной, не попыталась освободиться, или сбежать, или хотя бы драться. Они словно сдавались на волю судьбы...

– То есть на вашу волю?

– Да.

Эта ведьма посмотрела на меня. Не знаю, почему она выбрала меня, я ничем не отличался от Чейза. Думаю, был даже хуже него. В темных глазах ведьмы не было страха или слез, они были чисты. Она была чиста.

Мы привязали ее к столбу. Он уже пылал. Ясность ума только тогда начала возвращаться ко мне. Я взглянул на свои руки. Они были в крови и саже, как руки любого инквизитора.

Костер быстро догорел. Он поглотил красивые светлые кудри, прекрасное юное лицо и всю ее фигуру в простом голубеньком платье. Я думал: отчего такая красота досталась такому дьявольскому существу?

Люди кричали, махали руками и радовались. Они еще не знали, что нет такой пытки, которая позволила бы сломить ведьмину душу. Я еще не знал...

Я чувствовал запах горячей плоти и плакал. То были сле-

зы счастья. Мне удалось избавить этот мир от зла. Я стал инквизитором.

Призраки

Мне снился костер. Плоть горела и тлела, съедаемая пламенем. Моя ли? И мамин голос, такой родной и чистый. Что там делала мама, я не знал.

«Сынок...»

Я кричал. Огонь обжигал меня. Больно!

«Адам!»

Я умирал, и мир умирал вместе со мной. Ее боль стала моей болью, и я сгорал. Снова и снова над моим костром бился сизый голубь, снова и снова я не успевал уметь.

– Ты не пришел на молитву, – между делом заметил Рафаэль.

Я, потирая красные глаза, пробормотал что-то похожее на извинения и снова уполз в свою комнату. Всю неделю я провел словно в лихорадке. Мне чудились ужасные, непристойные видения: ведьмы в церковных рясах и священники, горящие на кострах. Я стал бояться засыпать.

* * *

Пасха для меня прошла незаметно, хотя так ждал этого торжества. Наша церковь наполнялась душистыми цветами, все люди ходили с улыбками на лице и со спокойствием на

сердце. И колокола звонили... Как же я ненавижу их звон!

– Но вы же жили в церкви...

– Глупо, правда?

Помню, спустя некоторое время я услышал на улице беспокойное кудахтанье двух старушек. Они кутались в свои теплые шали, боясь простудиться на весеннем ветру.

– А я точно тебе говорю! Все эти твари виноваты! – выплевывала слова одна из них.

Тут же она испуганно обернулась в сторону церкви, перекрестилась и кашлянула.

– А почему ты знаешь? Может, Господь нас так наказывает? – отвечала ей вторая. – На все воля Божья.

Своим грузным телом она, казалось, занимала пол-улицы, и мне пришлось протискиваться боком. Первая старуха поджала сухие тонкие губы и ничего не ответила. Только спустя неделю я узнал, что по городу разнеслась эпидемия чумы.

Церковь не закрывала свои двери для прихожан, но стала выгонять оборванцев и попрошайек. Едва завидев черные изъеденные пятна на коже, стражники гнали людей взашей. Все боялись заразиться.

Вскоре умер первый священник, и Рафаэль приказал сжечь все его вещи, а комнату запечатать. Глупо. Как будто болезнь не могла распространиться сквозь щели.

– Уже больше тысячи умерло, – тоскливо произнес Чейз.

Он, как обычно, сидел на моей кровати и рассматривал иконы, развешанные на стенах. Я стоял у окна и наблюдал за воющими и причитающими людьми. Они стучались в закрытые двери церкви, умоляя нас открыть им и простить их грехи.

– И еще столько же к ним прибавится, – незамедлительно сообщил я. Во мне бушевала злость. – Чертовы ведьмы! Все их заклинания! Они на нас порчу навели.

Чейз долго смотрел на меня выразительным взглядом, но ничего не ответил.

Мы продолжали убивать. Нам давалось это легко, как преклонить колени перед Богом. Священники-убийцы. Странно это, до сих пор странно...

Люди умирали и без нашей помощи. Сотни, тысячи сошли в могилы от чумы, и мы ничего не могли с этим поделать. Жуткое чувство беспомощности одолевало меня, и я все меньше молился Богу. Не знаю почему. Просто отчего-то мне стало казаться, что он уже не сможет помочь.

В начале лета умер диакон. Мы не плакали, священники не умеют плакать. Кадило развевало дым на богослужении, звучали песнопения. Его тело сожгли. Мне казалось это жутко неправильным, но Рафаэль всего лишь заботился о нашей

безопасности. С наступлением чумы он перестал улыбаться.

* * *

Мне продолжал сниться костер. И мамин голос. Он просил меня, умолял. Я никогда не отвечал на мольбы. Потом появился другой голос. Я не узнавал его во снах, только наяву. Мне казалось, что в голове у меня все смешалось. Я путал, когда сплю, а когда – нет.

Запасы продовольствия подошли к концу довольно быстро, и с тех пор мы ходили голодные, с пустыми животами. Церковь наполнилась ходячими призраками со впалыми глазами и изможденными лицами. Я боялся смотреть в зеркало.

Чейз перестал приходить в мою комнату, большую часть времени он проводил у себя и молился. Впервые я видел, чтобы кто-либо, особенно он, так усердно исполнял свои обязанности. Но потом пришло осознание. Не сразу, только через год или два. Я был еще глуп.

Живые призраки сменились мертвыми. Я стал видеть мать наяву. Она приходила ко мне, баюкала по вечерам, гладила волосы и ворковала у кровати. Призрак был осязаемым и в то же время неуловимым, я не мог точно сказать, как он выглядел, слышал только голос. И шорохи... О, от шорохов я сходил с ума. При любом звуке я дергался, подпрыгивал и начинал крутить головой, словно за мной роем носились призраки.

Потом я узнал, что один действительно был. Она появилась с утра, когда через оконную мозаику в комнату стал литься оранжевый свет. На ней было все то же голубое платье, она все так же спокойно смотрела на меня.

Знаете, у них особенные глаза. Есть в них что-то особенное, какая-то искра, которая выдает мне их без остатка. Я мог с легкостью определить ведьму, лишь бросив на нее взгляд. Мой дар – мое проклятье.

«Адам...»

Я поднял голову и спросонья чуть не свалился с кровати. Мне захотелось ополоснуть лицо водой, а лучше вообще всю голову в таз сунуть. Чтобы смыть остатки сна. Но это был не сон.

«Адам...»

Я взгляделся в ее призрачное лицо. Она не могла быть настоящей, сквозь живых не просвечивают стены. Призраки преследовали меня повсюду, я уже привык, но этот никак не хотел замолкать. Она все говорила и говорила, а единственное слово, которое мне удалось разобрать, – собственное имя.

Мама больше не приходила ко мне, и это пугало. С другой стороны, я был счастлив, что могу спокойно догореть на своем костре.

«Адам...»

Тяжело жить, когда призрак постоянно зовет тебя по имени. К концу второго дня это начало выводить меня из себя.

– Что тебе нужно? – громко выкрикнул я.

Громко, слишком громко для маленькой комнаты, в которой находишься один. Но вряд ли кто-то обратит внимание на сумасшедшего священника.

Ответом мне послужили грустные темные глаза.

Я гулял по городу. Страх заразиться больше не было, я не страшился смерти. Что мне смерть, когда за мной по пятам идет умерший?

Призрак следовала за мной всюду и даже сидела рядом в таверне и пила дешевый эль. Священникам нельзя употреблять спиртное, и я каждый раз переодевался в простую одежду, сбегая из церкви. Рафаэль замечал мои отлучки, но молчал. Я был не самым большим разочарованием на свете.

– Эй, парень, поделись-ка выпивкой! – Какой-то пьяный мужик плюхнулся на место призрака, и она мгновенно растаяла.

«Адам...»

– Заткнись! – искренне посоветовал я ей.

Знаю, священнику и ругаться запрещено, но, оказываясь в таверне среди обычных людей, я не мог вести себя по-другому.

– Это ты мне, что ли? – заревел толстый боров, подсевший ко мне мгновение назад.

Лицо его налилось кровью, он засучил рукава. Что ж, я был не против драки. Его пьяные удары легко было перехватить. Спустя несколько ударов сердца он уже лежал без па-

мяти на полу.

Громкая музыка и бездумное пение завсегда тае в таверны оглушали, и я выбрался на улицу в надежде глотнуть прохладный воздух. Мне хотелось насладиться им, остудить разум, вернуть смирение, но я не мог. На улице стоял июль.

* * *

«Адам...»

– Как твое имя? – Нужно же было с чего-то начать.

Призрак покружила по комнате и пристроилась на краю кровати, там, где обычно сидел Чейз.

«Надя».

Ее светлые эфемерные кудри развевались на ветру. Но разве в мире призраков есть ветер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.